

Афганский кризис и угроза исламистского экстремизма в Таджикистане

© Аскеров М.-А.И.^{a,c,d}, Исаев Л.М.^{a,b,c,e}, Коротаев А.В.^{a,b,c,f}, 2022

^a НИУ «Высшая школа экономики» Москва, Россия

^b Институт Африки РАН Москва, Россия

^c Российский университет дружбы народов Москва, Россия

^d ORCID ID: 0000-0002-3478-4267; mi.askerov@hse.ru

^e ORCID ID: 0000-0003-4748-1078; lisaev@hse.ru

^f ORCID ID: 0000-0003-3014-2037; akorotaev@hse.ru

Резюме. В статье рассматриваются террористические организации, представляющие угрозы для Таджикистана, а также анализируется их активность, медиапродукция и вербовочные кампании в контексте афганского кризиса. Особое внимание уделяется приходу к власти движения «Талибан» в Афганистане и тем трансформациям, которые произошли за год их нахождения у власти. Также анализируются экспертные интервью, которые были собраны в ходе полевых исследований. С опорой на вышеназванные данные в статье дается оценка уровню угроз, которые исходят от различных террористических организаций, и озвучиваются возможные перспективы развития ситуации. Также рассматриваются имеющиеся законы в сфере религиозной политики в Республике Таджикистан и их применение. Изучается, как в контексте афганского кризиса исламистские экстремисты подстраивают под них свои вербовочные кампании, и как это отражается на их дискурсе.

Ключевые слова: Афганистан, Таджикистан, исламистский экстремизм, Талибан, терроризм, Исламское Государство в провинции Хорасан

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РФФ в рамках проекта № 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Аскеров М.-А.И., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Афганский кризис и угроза исламистского экстремизма в Таджикистане. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 16-22. DOI: 10.31857/S032150750023557-4

Afghani crisis and the threat of Islamist extremism in Tajikistan

© Mir-Ali I. Askerov^{a,c,d}, Leonid V. Issaev^{a,b,c,e}, Andrey V. Korotayev^{a,b,c,f}, 2022

^a HSE University, Moscow, Russia

^b Institute for African Studies, Moscow, Russia

^c RUDN University, Moscow, Russia

^d ORCID ID: 0000-0002-3478-4267; mi.askerov@hse.ru

^e ORCID ID: 0000-0003-4748-1078; lisaev@hse.ru

^f ORCID ID: 0000-0003-3014-2037; akorotaev@hse.ru

Abstract. This article examines terrorist organizations that pose a threat to Tajikistan and analyzes their activities, media products and recruitment campaigns within the context of the Afghan crisis. Particular attention is paid to the rise to power of the Taliban in Afghanistan and the transformations that occurred during their year in power. It considers not only transformations in Afghanistan itself, but in the global jihadist movement as a whole. Expert interviews gathered during field research are also analyzed.

The data collected during the field study are analyzed in addition to databases and academic papers already available in the public domain. Based on the data mentioned above, this article assesses the level of threat posed by various terrorist organizations and the possible prospects for the situation. It also examines the existing laws in the sphere of religious policy in the Republic of Tajikistan and their application. It examines how extremists adjust their recruitment campaigns and how it is reflected in their discourse. The article also reveals the peculiarities of relations between various extremist organizations that are active in Tajikistan or are composed of Tajik citizens and are involved in fighting in other countries. In addition, it investigates which organizations Tajik citizens are more likely to join and what determines their choice.

The results of the article contain conclusions for each organization considered in accordance with the results of the study that has been conducted. These findings contribute to existing studies on extremism in general and on extremist activity in Tajikistan in particular against the background of the Afghan crisis. Therefore, it brings new arguments and perspectives to the existing academic debate on this topic.

Keywords: Afghanistan, Tajikistan, Islamists extremism, terrorism, Taliban, The Islamic State - Khorasan Province

For citation: Askerov M.-A.I., Issaev L.M., Korotayev A.V. Afghani crisis and the threat of Islamist extremism in Tajikistan. *Asia and Africa today*. 2022. № 12. Pp. 16-22. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750023557-4

ВВЕДЕНИЕ

После прихода к власти в Афганистане движения «Талибан» в августе 2021 г. в соседних странах Центральной Азии актуализировалась тема угрозы исламистского экстремизма, исходящей из этой страны. О влиянии афганского кризиса на постсоветское пространство написано немало работ, в которых отмечалось первостепенное значение Афганистана для стабильности в бывших республиках СССР [1; 2; 3; 4]. В этой связи неудивительно, что очередной виток гражданского конфликта в этой стране спровоцировал рост напряженности в странах Центральной Азии.

В первую очередь афганский кризис отразился на Таджикистане, имеющем самую протяженную границу с Афганистаном по сравнению с остальными постсоветскими республиками. Помимо этого, в Таджикистане уже был относительно недавний опыт гражданской войны 1992-1997 гг., во время которой в том числе отмечался рост активности различных исламистских экстремистских группировок [5, 6]. К этому стоит добавить активность сторонников различных террористических организаций как в самом Таджикистане, так и в соседних странах - не говоря уже о том, что и некоторые таджикские граждане вступают в террористические организации, действующие на территории Сирии и Афганистана [7].

Учитывая все вышесказанное, представляется целесообразным выявить основные риски и угрозы для Таджикистана, связанные с новой волной распространения исламистского экстремизма, вызванной афганским кризисом. С этой целью мы провели полевые исследования в Афганистане в октябре 2019 г., а также в Таджикистане в августе 2022 г. В ходе проведенных исследований мы собрали и проанализировали структурированные экспертные интервью с представителями академического сообщества и общественно-политическими деятелями этих стран, что позволило оценить масштабы угрозы проникновения исламистского экстремизма из Афганистана в Таджикистан.

ТЕРАКТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Рассматривая текущую ситуацию вокруг Таджикистана, обратимся к статистике террористической активности на территории этой страны. Данные о терактах с 1997 по 2019 г. взяты из базы данных *The Global Terrorist Database* [8], а информация за период с 2020 по сентябрь 2022 г. - из отчета международного аналитического центра *Special Eurasia* [9].

Согласно имеющимся данным, наибольшее количество терактов в поствоенном Таджикистане пришлось на 2012, 2014 и 2015 гг., а затем их количество уменьшилось. При этом до 2016 г. отсутствовали данные о принадлежности исполнителей террористических актов к какой-либо из организаций. Однако если рассмотреть не только количество самих актов, но и количество жертв, картина выглядит несколько иначе. Самые кровавые теракты произошли в 2018 и 2019 гг.

В 2018 г. в Худжанде заключенный напал на охранника и отобрал у него оружие, после чего началась перестрелка, в результате которой погибли 27 человек с обеих сторон [10]. В том же году боевики «Исламского Государства» (ИГ) напали на туристов во время велосипедной прогулки: погибли два американца, один голландец и гражданин Швейцарии [11]. Еще трое иностранцев, включая одного гражданина Франции, были ранены в результате инцидента 29 июля 2018 г. в Дангаринском районе Хатлонской области, примерно в 150 км к югу от столицы [11]. В мае 2019 г. вновь произошло нападение и перестрелка с охранниками в тюрьме «Кирпичный». По меньшей мере 32 человека были убиты [12]. В ноябре того же года произошло нападение на пограничный пост в Ишкобод, в ходе которого 17 человек были убиты [13]. ИГ взяло на себя ответственность за все эти нападения.

В последующие годы подобных масштабных по количеству жертв нападений не происходило, однако боевики ИГ, а точнее его филиала - «Исламское Государство в провинции Хорасан» (ИГПХ), обстреляли территорию Таджикистана с территории соседнего Афганистана [14]. Жертв не было, однако сам факт возможности проведения подобной атаки позволяет предположить, что ИГПХ в своей деятельности отнюдь не ограничивается границами Афганистана и стремится распространить влияние и на страны Центрально-Азиатского региона.

Здесь следует сказать несколько слов об ИГПХ. Эта ветвь «Исламского государства» была создана в 2015 г. и активно вербовала сторонников среди афганцев и пакистанцев, особенно перебежчиков из «Талибана». Хорасан, который упоминается в названии организации, - это название исторического региона, включающего территории нынешних Пакистана, Ирана, Афганистана и Центральной Азии. С 2020 г. во главе ИГПХ стоит Шахаб аль-Мухаджир, также известный как Санаулла ас-Садик. Примечательно, что до того как присоединиться к ИГПХ аль-Мухаджир был командиром среднего звена т.н. «сети Хаккани»¹ и членом «Аль-Каиды» [15].

¹ Сеть Хаккани (*Haqqani Network*) - афгано-пакистанская террористическая группировка, связанная с движением «Талибан», которая была основана в первой половине 1990-х гг. пуштунским религиозным деятелем Джалалудином Хаккани (*прим. авт.*).

В июне 2021 г. Совет Безопасности ООН опубликовал отчет, в котором говорилось, что численность ИГПХ может составлять от 1500 до 2200 боевиков в афганских провинциях Кунар и Нангархар [16]. При этом многие специалисты по безопасности в Средней Азии отмечали, что в последние годы деятельность ИГПХ стала более активной и опасной. Кроме того, организация ведет активную деятельность по переподготовке бывших бойцов «Талибана» и других радикальных группировок региона [17].

УЧАСТИЕ ТАДЖИКОВ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ

Обратим внимание на количество граждан Таджикистана, пополнивших ряды террористических организаций в других странах. Наибольшее количество отправилось в Сирию и Ирак, чтобы присоединиться к ИГ в период наибольшей активности данной организации. Всего около 2000 граждан Таджикистана участвовали в боевых действиях в Сирии и Ираке в 2010-е гг. [7], что является самым высоким показателем в сравнении с другими постсоветскими странами Центральной Азии. Например, из Казахстана уехало около 800 человек, из Кыргызстана - 850, а из Узбекистана - 1900² [7]. Значительно меньше граждан Таджикистана вступает в ряды других группировок (прежде всего тех, которые связаны с «Аль-Каидой»).

Главным образом таджики состоят в рядах этнических подразделений террористических организаций в Сирии и Ираке, насчитывающих примерно 500 человек как таджиков, так и узбеков [7]. Другое популярное направление для таджикских экстремистов - Афганистан. Туда изначально выезжали в основном те люди, чьи взгляды были близки идеологии афганского движения «Талибан», для участия в боях на стороне группировки «Джамаат Ансаруллах»³.

Отметим два обстоятельства, связанные с «Джамаат Ансаруллах». Во-первых, эта группировка немногочисленна: по имеющимся оценкам, в 2022 г. её примерная численность составляла всего лишь около 100 человек [18] - это очень мало по сравнению с общим числом таджиков, вступающих в ряды террористических структур. Во-вторых, проведенные нами экспертные интервью в Душанбе в июле 2022 г. показали, что «Джамаат Ансаруллах» состоит в основном из тех людей, которые уехали в Афганистан еще в начале 2000-х гг. Опрошенные нами эксперты ставили под сомнение тот факт, что кто-либо из граждан Таджикистана присоединялся к группировке после появления ИГ в середине 2010-х гг.

Афганистан также - важное направление для тех, кто хочет пополнить ряды «Исламского государства» и, в частности, ИГПХ. При этом сторонники ИГ стали предпочитать Афганистан странам Ближнего Востока с момента разгрома этой организации в Сирии и Ираке в 2017 г. Точное количество боевиков из Таджикистана в рядах ИГПХ неизвестно, т.к. при подсчетах сложно разделить афганских таджиков и таджиков - граждан Таджикистана [19]. Однако на сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что таджики составляют очень важную часть ИГПХ. Например, ряд последних терактов ИГПХ был совершен смертниками-таджиками - это и нападение на индуистский храм 18 июня 2022 г. в Кабуле, которое совершил Абу Мухаммад ат-Таджики [20], и нападение на автобус талибов, которое совершил 4 июля 2022 г. Муаз ат-Таджики [21], а также убийство талибами лидера отряда таджикских смертников Юсуфа ат-Таджики в начале июля 2022 г. При этом информацию о каких-либо подобных отрядах смертников из представителей других этнических меньшинств Афганистана ИГПХ никогда не сообщало. В сложившейся ситуации некоторые эксперты даже отмечают, что «ИГПХ приобретает этнический таджикский колорит» [22].

Таким образом, если брать во внимание теракты на территории самого Таджикистана и участие таджикских граждан в террористических группировках за пределами страны, можно отметить высокую популярность ИГ и связанных с ней структур. Именно «Исламское Государство» стоит за самыми массовыми (и по числу убийств, и по количеству участников) терактами на территории Таджикистана, а также именно в ряды ИГ (и её филиалы, такие, как ИГПХ) вступает подавляющее большинство таджикских граждан. Число тех, кто присоединяется к группировкам, связанных с «Аль-Каидой» и «Талибаном», гораздо меньше и незначительно в сравнении с числом вступающих в ИГ [7].

РОЛЬ ПОЛИТИКИ ВЛАСТЕЙ

Отдельного внимания заслуживает политика правительства Таджикистана в сфере религии. С 2009 г. в стране запрещен т.н. салафитский ислам, который был охарактеризован таджикскими властями как «экс-

² Несмотря на то, что число близко к числу бойцов из Таджикистана, стоит учитывать разницу в численности населения двух стран (прим. авт.).

³ «Джамаат Ансаруллах» была основана в 2010 г. муллой Амриддином, командиром антиправительственных исламистских сил во время гражданской войны в Таджикистане 1992-1997 гг. Её костяк составляли бывшие боевики таджикской оппозиции, несогласные с условиями мирного соглашения 1997 г. (прим. авт.).

тримистское течение ислама» [23]. Однако точное определение этого термина по-прежнему остается крайне проблематичным и даже простое исполнение исламских ритуалов в формах, которые власти считают «чуждыми» или не соответствующими правительственной интерпретации ханафитской школы суннитского ислама, подлежит уголовному преследованию [24].

Другая сложность связана с тем, что принятый в Таджикистане Закон об экстремизме не дает четкого определения этому термину и часто приводит к произвольным задержаниям мусульман, которые не имеют отношения к деятельности экстремистских организаций [25].

Из этого вытекает проблема реализации правовых норм, следствием чего стала переполненность тюрем, которые на сегодняшний день характеризуются как основная среда для радикализации мусульман в Таджикистане [24]. Заключение, осуждение «за религию», подвергаются жестокому обращению со стороны как властей, так и своих сокамерников. В подобных условиях у заключенных появляется не только запрос на восстановление справедливости, но и защита, которую предлагают т.н. «тюремные джамааты»⁴ из числа непосредственных сторонников и членов террористических организаций. Именно этим исследователи объясняют тот факт, что два самых громких теракта на территории Таджикистана в последние годы произошли именно в тюрьмах и спровоцировали дальнейшие бунты заключенных [24].

Таким образом, подобные практики в сфере религиозной политики зачастую могут способствовать не снижению террористической угрозы, а её росту. Как было показано выше, таджикские тюрьмы становятся важнейшими центрами для пропаганды идей «Исламского Государства». Кроме того, подобная политика властей зачастую создает благодатную почву для таджикоязычных пропагандистских СМИ террористических организаций. Именно тема несправедливости и угнетения по отношению к мусульманам в Таджикистане становится центральной для мобилизации населения на борьбу с режимом.

ОСОБЕННОСТИ ПРОПАГАНДЫ

Если рассматривать медиаактивность на таджикском языке, абсолютным лидером в данном направлении является ИГПХ, которое с весны 2022 г. начало переводить свою официальную периодику на таджикскую кириллицу [26]. Кроме этого, известно о действии ряда неофициальных телеграмм-каналов на таджикском языке, которые ведут пропаганду идей ИГ, помогают желающим советами по переезду из Таджикистана в регионы присутствия ИГПХ и консультируют читателей по различным вопросам. В частности, можно привести в пример следующие каналы: «Защитники Уммы», «Мавераннахр», «Голос Хорасана», «Радио Голос Хорасана» - все они публикуют сообщения именно на таджикской кириллице.

Как отмечает эксперт Л.Веббер из издания *Militant Wire*, таджикские боевики, воюющие в Афганистане в составе местного филиала ИГ, всё чаще используют образ президента Таджикистана в качестве важного инструмента для своей вербовочной кампании. «Эмомали Рахмон теперь почти ежедневно фигурирует на каналах в социальных сетях, связанных с ИГПХ, наряду с советами о том, как поехать в Афганистан и, оказавшись там, как связаться с радикалами», - отмечает Л.Веббер [27]. Несколько раз в неделю на ресурсах ИГ появляются изображения боевиков в масках, наносящих телесные повреждения Э.Рахмону, осаждающих Душанбе и приводящих в действие взрывчатку в столице Таджикистана. Сопроводительные сообщения часто обращаются к «угнетенному народу Таджикистана» и призывают его влиться в ряды ИГПХ для «настоящей борьбы против притеснения мусульман» [27].

Пропагандистские ресурсы других организаций малочисленнее и гораздо менее активны. Если говорить о «Талибанах», то официальных ресурсов на таджикской кириллице у организации нет. Есть неофициальные телеграмм-каналы, которые обращаются к таджикской аудитории, однако они крайне редко используют таджикскую кириллицу и их активность чаще сводится к публикации видеозаписей проповедей имамов, лояльных талибам, на языке дари (язык таджиков Афганистана). Растущей популярности этих ресурсов, как в случае с ИГПХ, не замечено. В целом медиаресурсы «Талибана» стараются избегать сообщений, направленных на дестабилизацию ситуации в соседних странах, и придерживаются принципа невмешательства. Их сообщения чаще имеют характер опровержений, в которых они стараются изменить мнение читателей о том, что таджикское население Афганистана притесняется по этническому или языковому принципу. К примеру, периодически появляются опровержения сообщений о том, что талибы готовят какие-либо нападения или провокации против Таджикистана.

Сторонники отпочковавшейся от «Аль-Каиды» в 2016-2017 гг. группировки «Хайят Тахрир аш-Шам», осуществляющей свою деятельность на территории Сирии, периодически обращаются к таджикской ауди-

⁴ Подразумеваются объединения из осужденных за действия экстремистского характера или распространение экстремистских идей, которые объединяются с целью пропаганды своей идеологии среди других заключенных. Также эти объединения предлагают свое покровительство и защиту в обмен на лояльность и помощь (*прим авт.*).

тории, однако тоже делают это крайне редко. Официальных таджикоязычных ресурсов у организации нет, а любительские проекты используют русский язык за редким исключением. В основном к этому прибегают в те моменты, когда обращение связано с какими-то значимыми событиями вокруг Таджикистана. Например, недавние вооруженные столкновения на таджикско-киргизской границе, по поводу которых были опубликованы обращения некоторых сторонников «Хайят Тахрир аш-Шам» на таджикском языке с призывами не участвовать в этом конфликте и не поддаваться на провокации. Однако это лишь исключения, не сравнимые с той активностью, которую демонстрируют различные ресурсы ИГПХ.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что в активности медиапропаганды лидирует ИГПХ, которое явно делает упор на таджикское население как Афганистана, так и Таджикистана. К таджикским читателям в основном обращаются с призывами переселиться в Афганистан и присоединиться там к боевикам ИГПХ для дальнейших боевых действий против движения «Талибан», которое обвиняется в предательстве мусульман (в т.ч. таджикских), а далее с этой территории планируется атаковать правительство Эмомали Рахмона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕРВЬЮ

Полученные в ходе полевых исследований результаты довольно противоречивы. С одной стороны, практически все таджикские эксперты озвучивали озабоченность приходом к власти в Афганистане движения «Талибан» и отмечали это как фактор роста угрозы экстремизма и политической нестабильности в Центральной Азии. С другой стороны, многие из них отмечали, что с августа 2021 г. на приграничных территориях между Афганистаном и Таджикистаном обстановка стала спокойнее, либо соглашались с тем, что ситуация, как минимум, не ухудшилась.

Вместе с тем в ходе интервью часто упоминалось, что границу между государствами охраняют в основном бойцы таджикского происхождения, предположительно из «Джамаат Ансаруллах». Периодически они вступают в перепалку с таджикскими пограничниками, угрожая им «захватом Душанбе и убийством политического руководства страны»⁵. Примечательно, что большинство экспертов подчеркивали высокий уровень угрозы, исходящей от «Джамаата Ансаруллах». Это, в свою очередь, вызывает определенные сомнения, т.к. с 2015 г. данная организация не проявляла никакой самостоятельной террористической активности [18].

Все эксперты называли активность ИГПХ важнейшей угрозой для безопасности Таджикистана, однако по-разному оценивали её причины. Один из экспертов настаивал на том, что эта структура управляется непосредственно «Талибаном» и существует для того, чтобы совершать те акты, за которые талибы не готовы брать на себя ответственность. В то же время подобная оценка выглядит крайне противоречивой, т.к. основной целью атак ИГПХ зачастую становятся сами талибы, а также ввиду того, что подобные действия наносят сильный ущерб репутации «Талибана», осуществляющего власть в стране и заинтересованного в снижении уровня социально-политической нестабильности. Большинство экспертов всё же характеризовали ИГПХ как независимую структуру и признавали, что оно является общей проблемой и для Таджикистана, и для талибов.

При этом важно отметить, что никто из экспертов не видит серьезной угрозы экспансии движения «Талибан» на территорию Таджикистана. В качестве основной причины отмечается то, что идеология «Талибана» не пользуется популярностью среди таджикского населения, а его имидж в массовом сознании крайне негативный, поскольку ассоциируется с притеснениями таджиков Афганистана по этническому признаку. Вместе с тем возможность кооперации между Таджикистаном и нынешними властями в Афганистане в противостоянии ИГПХ большинство экспертов исключили, т.к. это противоречило бы интересам таджикской стороны и было бы расценено местным населением и в особенности афганскими таджиками как предательство.

Наконец, практически никто не упоминал «Аль-Каиду» в качестве серьезной угрозы региональной безопасности, что объясняется низким уровнем активности группировки. Кроме того, недавно в своем англоязычном журнале «*One Ummah*» организация сама официально подтвердила, что не будет использовать Афганистан для атак на другие страны, тем самым подтвердив ранее данные заверения официальных лиц «Талибана».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования был проведен анализ террористической активности на территории Таджикистана на фоне развертывания афганского кризиса, данных об участии таджикских граждан в боевых действиях в

⁵ Здесь и далее приводится информация, которую сообщили эксперты по региону Центральной Азии из Таджикистана в ходе интервью на условиях анонимности. Интервью были проведены во время поездки в Таджикистан в 2022 г. в рамках упомянутого выше проекта РНФ (*прим. авт.*).

составе экстремистских организаций в Афганистане и на Ближнем Востоке, работы пропагандистских медиаэкстремистских организаций в контексте афганского кризиса и результатов интервью с экспертами. Итоги проведенного анализа однозначно указывают на то, что основная экстремистская угроза для Таджикистана из Афганистана исходит от организации «Исламское Государство» и его регионального филиала - «Исламское Государство в провинции Хорасан».

«Аль-Каида» хотя и является глобальной джихадистской структурой, сохраняющей высокий уровень террористической активности во многих регионах мира⁶, в отличие от талибов не претендует на локальное государственное строительство в рассматриваемом регионе и в сложившихся условиях не проявляет активности в Афганистане, Таджикистане и других странах Центральной Азии. Кроме того, официальные медиаорганизации подтвердили, что обязуются не использовать территорию Афганистана для атак на другие страны, дабы не вызвать нового вторжения на его территорию и сохранить Исламский Эмират Афганистан.

Движение «Талибан», во-первых, не создает угрозы военной экспансии, т.к. заинтересовано, прежде всего, в сохранении своей власти в Афганистане и избегает лишней конфронтации с соседними государствами. Во-вторых, оно не ставит перед собой цели экспорта собственной идеологии в Таджикистан, в отличие от ИГПХ, что можно наблюдать при анализе медиаактивности двух организаций. Группировка «Джамаат Ансаруллах», состоящая из таджикских боевиков и находящаяся в подчинении у движения «Талибан», используется исключительно для охраны таджикско-афганской границы. Кроме того, будучи главным оппонентом ИГПХ в Афганистане, талибы обладают высоким потенциалом, чтобы выступать ситуативным союзником Таджикистана для борьбы с экстремизмом, на что, впрочем, не готовы идти таджикские власти.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Васильев А.М. Афган: незаживающие раны России. *Азия и Африка сегодня*. № 5. 2014. С. 66-72. Vasiliev A.M. 2014. Afghanistan: Russia's unhealed wounds. *Asia and Africa today*. № 5. Pp. 66-72. (In Russ.)
2. Коргун В.Г. 2012. Афганский конфликт и Центральная Азия. *Россия и мусульманский мир*. 2012. № 6. С. 106-114. Korgun V.G. 2012. Afghan conflict and Central Asia. *Russia and the Muslim World*. № 6. Pp. 106-114. Moscow. (In Russ.)
3. Белокреницкий В.Я. Вооруженный экстремизм в Афганистане, Пакистане и Центральной Азии: взгляд из России. *Пути к миру и безопасности*. 2017. № 1(52). С. 205-212. Belokrenitsky V.Ya. 2017. Armed Extremism in Afghanistan, Pakistan, and Central Asia: A View from Russia. *Pathways to Peace and Security*. № 1(52). Pp. 205-212. Moscow. (In Russ.)
4. Малышева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. № 2. С. 259-272. Malysheva D.B. 2018. Post-Soviet Central Asia and Afghanistan as an intersection of interests of major Asian states. *Vestnik RUDN. International Relations*. № 2. Pp. 259-272. (In Russ.)
5. Bashiri I. The history of the Civil War in Tajikistan. Boston: Academic Studies Press. 2020. 327 p.
6. Epkenhans T. 2016. The Origins of the Civil War in Tajikistan: Nationalism, Islamism and Violent Conflict in Post-Soviet Space. Lanham: Lexington Books. 401 p.
7. Soliev N. 2021. Tracing the Fate of Central Asian Fighters in Syria. *Perspectives on Terrorism*. Vol. 15, № 4, pp. 125-140.
8. Global Terrorist Database. Tajikistan Incidents over Time. <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=Tajikistan&sa.x=40&sa.y=20> (accessed 10.10.2022)
9. Bifolchi G. The number of terrorists and extremists has increased in Tajikistan. <https://www.specialeurasia.com/2022/07/16/terrorism-tajikistan-extremism/> (accessed 10.09.2022)
10. Global Terrorism Database. Khujand Incident Summary. <https://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=201811070036> (accessed 02.09.2022)
11. Lemon E. 2018. Talking Up Terrorism in Central Asia. Kennan Cable. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington. № 38. <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-38-talking-terrorism-central-asia> (accessed 24.08.2022)
12. Global Terrorism Database. Kirpichnyi Incident Summary. <https://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=201905190037> (accessed 04.09.2022)
13. Global Terrorism Database. Ishkobod Incident Summary. <https://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=201911060005> (accessed 14.09.2022)
14. Ibragimova K. Tajikistan: ISKP claims new cross-border attack, officials deny. *Eurasianet*. 09.05.2022. <https://eurasianet.org/tajikistan-iskp-claims-new-cross-border-attack-officials-deny> (accessed 17.09.2022)
15. Schmitt E. ISIS Branch Poses Biggest Immediate Terrorist Threat to Evacuation in Kabul. *The New York Times*. 25.08.2021. <https://www.nytimes.com/2021/08/25/us/politics/isis-terrorism-afghanistan-taliban.html> (accessed 10.09.2022)
16. Letter dated 20 May 2021 from the Chair of the Security Council // UN Security Council, 01.06.2021. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/107/61/PDF/N2110761.pdf?OpenElement> (accessed 08.09.2022)

⁶ Например, в странах Западной Африки (см: [28; 29; 30]).

17. Эсфандиари Г. «Исламское государство в Хорасане»: что оно собой представляет и чего добивается? *Радио Азаттык*. 28.08.2021.
Esfandiari G. The “Islamic State in Khorasan”: What does it represent and what does it seek to achieve? *Radio Azattyk*. 28.08.2021. (In Russ.) <https://rus.azattyq.org/a/islamic-state-khorasan-exainer/31432340.html> (accessed 11.09.2020)
18. Rogio B. Tajik terrorist serves as Taliban commander in northern Afghanistan. FDD’s Long War Journal, 22.05.2022. <https://longwarjournal.org/archives/2022/05/tajik-terrorist-serves-as-taliban-commander-in-northern-afghanistan.php> (accessed 12.09.2022)
19. Lemon E. To Afghanistan Not Syria? Islamic State Diverts Tajik Fighters South. Jamestown Foundation. *Eurasia Daily Monitor*. Vol. 14, № 35. <https://www.refworld.org/docid/58cbbf4e.html> (accessed 05.09.2022)
20. Islamic State says attack on Sikh temple is revenge for Prophet insults. *CNN*. 19.06.2022. <https://www.cnn.com/2022/06/19/asia/islamic-state-sikh-gurdwara-temple-attack-kabul-afghanistan-intl-hnk/index.html> (accessed 11.09.2022)
21. Botobekov U. ISKP Tajik Fighters Step Up Sophisticated Inghimasi Attacks against Taliban and Intimidate the U.S. Homeland Security. 23.06.2022. <https://www.hstoday.us/featured/iskp-tajik-fighters-step-up-sophisticated-inghamasi-attacks-against-taliban-and-intimidate-the-u-s/> (accessed 01.09.2022)
22. Webber L. Taliban target Tajik Islamic State fighters. *Eurasianet*. 29.06.2022. <https://eurasianet.org/taliban-target-tajik-islamic-state-fighters> (accessed 10.10.2022)
23. United States Commission on International Religious Freedom Annual Report 2021. <https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2021-04/2021%20Annual%20Report.pdf> (accessed 29.08.2022)
24. Promoting Religious Freedom and Countering Violent Extremism in Tajikistan 2021. <https://www.uscirf.gov/publication/issue-update-tajikistan> (accessed 10.09.2022)
25. Chutia T. 2022. Tajikistan: An Evaluation of Terrorism and Counter-Terrorism Policies since Independence. *Conflict Studies Quarterly*. Vol. 39, pp. 37-51.
26. Webber L. 2022. Islamic State in Khorasan Province Exploits Tajik Martyrs for Online Recruitment in Central Asia. *Terrorism Monitor*. The Jamestown Foundation. Washington. № 14. <https://jamestown.org/program/islamic-state-in-khorasan-province-exploits-tajik-martyrs-for-online-recruitment-in-central-asia/> (accessed 06.09.2022)
27. Webber L. Islamic State uses Tajikistan’s dictator in recruitment drive. *Eurasianet*. 02.06.2022. <https://eurasianet.org/perspectives-islamic-state-uses-tajikistans-dictator-in-recruitment-drive> (accessed 03.09.2022)
28. Исаев Л.М., Коротаев А.В., Бобарыкина Д.А. 2022. Глобальная террористическая угроза в Сахеле и истоки терроризма в Буркина-Фасо. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 22, № 2. С. 411-421. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-411-421
Issaev L.M., Korotayev A.V., Bobarykina D.A. 2022. The global terrorist threat in the Sahel and the origins of terrorism in Burkina Faso. *Vestnik RUDN. International*. Vol. 22, № 2, pp. 411-421. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-411-421
29. Korotayev A., Khokhlova A. 2022. Revolutionary events in Mali, 2020-2021. Issaev L., Korotayev A. (eds.). *New wave of revolutions in the MENA region. A comparative perspective*. Cham: Springer, pp. 191-218. DOI: 10.1007/978-3-031-15135-4_9
30. Issaev L., Fain E., Korotayev A. 2021. Impact of the Arab Spring on Terrorist Activity in the Sahel. *Ideology and Politics Journal*. № 3(19), pp. 34-49. DOI: 10.36169/2227-6068.2021.03.00003

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Аскеров Мир-Али Исмаилович, тьютор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия; ст.-иссл. РУДН, Москва, Россия.

Mir-Ali I. Askerov, Tutor, HSE University, Moscow, Russia; Trainee Researcher, RUDN University, Moscow, Russia.

Исаев Леонид Маркович, к.полит.н., доцент НИУ ВШЭ; ст.н.с. ИАФР РАН и РУДН, Москва, Россия.

Leonid M. Issaev, PhD (Political Science), Associate Professor, HSE University; Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences & RUDN University, Moscow, Russia.

Коротаев Андрей Витальевич, д.и.н., зав. лаб. НИУ ВШЭ, в.н.с. РУДН и г.н.с. ИАФР РАН, Москва, Россия.

Andrey V. Korotayev, Dr.Sc. (History), Lab. Head, HSE University; Leading Researcher, RUDN University & Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.09.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.10.2022

Принята к публикации
(Accepted) 22.11.2022